

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ КИТАЯ

В сентябре 2019 года я в третий раз побывал в Китае. Каждый раз по 16 дней. Меня спрашивают: каковы мои впечатления от Китая на этот раз?

Впечатления от Китая у меня, как и следовало ожидать, самые благоприятные. Про красоты природы, архитектуру, инфраструктуру и кухню можно было бы и не писать, это все пишут. Вот лишь несколько наблюдений.

Моя жена Кадрия любит говорить (видимо, из привычного чувства противоречия мне): не люблю китайцев. А после их кухни хочется наших обычных котлет. Но в разговоре с другими людьми говорит совсем другое.

Оказывается (а то я не знал☺), китайская кухня очень сбалансированная. Китайцы едят рис вместо хлеба и картошки, и это полезнее. На озере Лугу нам готовили ужин в «самоваре». Когда сварили рыбу, а потом стали класть туда всё подряд: зелень, сыр, мясо, — Кадрия сказала: — Я это есть не буду, как это так: в рыбу — мясо? Но, говорит она, оказалось, что это очень вкусно и почему-то мясо совсем не пахло рыбой, а бульон был белый. Вся наша группа очень заценила китайские пельмени, которые мы заказывали при каждом удобном случае и с самой разнообразной начинкой. Ещё очень вкусная лапша, она дешёвая, видов её очень много, но вся суть, видимо, в соусе. В Чэнду нас отвели в специальный ресторанчик в старом городе, в котором готовят особо вкусную лапшу. Но и по дороге с Лугуху в Лицзян в какой-то придорожной забегаловке лапша тоже оказалась хорошая, да и в самом Лицзяне тоже. И на этот раз моя жена не жаловалась, что слишком остро, хотя мы ведь были в Сычуани! Мне так всё нравилось: и мясо, и грибы, и рис, и зелень... У нас было одна женщина, которая не ест свинину по каким-то своим заморочкам, что вроде бы должно было создать проблемы, поскольку китайцы (кроме мусульман) едят именно что свинину и курицу. Но не создало.

Иногда не хватало привычных нам сладостей: конфет, шоколада, пирожных. Китайские сладости очень специфические. Так что один раз мы оттянулись в «Старбаксе» в старом городе в Чэнду.

При каждом удобном случае мы заказывали чай. Для меня было неожиданностью, что довольно часто нам подавали чай... из гречки. Я сначала не поверил, говорю: это, наверное, такие чайные почки нераспустившиеся. Ан, нет — и правда гречка. Довольно своеобразный и приятный на вкус напиток. Но всё же не чай! Привычного нам чёрного чая в Китае нет, так что я, зная это, всем советовал: везите с собой чай в пакетиках, если вы не можете проснуть без чая и не можете заснуть без чая. Три раза мы покупали чай, чтобы привезти в

Москву: зелёный и кудин в императорском саду в Пекине и белый и красный чай и пуэр в Юньнани, в Лицзяне, где мы жили в старом городе. И это, конечно, каждый раз была целая чайная церемония с пробой многочисленных чаёв. Потом красный чай мы попробовали приготовить сами уже в Москве после приезда. Раньше я как-то его особо не знал. И, наконец, понял, в чём секрет правильного приготовления и употребления: класть чая мало (анекдот «евреи, не жалейте заварки» — это не про красный чай), заваривать не больше минуты, сразу переливать в чашки или какую другую посуду, чашечки крохотные, и доливать, доливать, доливать... Но это, конечно, хороший юньнаньский красный чай. Мы купили чай двух сортов: за 200 и за 400 юаней полкило. Сначала первый, а потом, в другой лавочке, при нас покупал чай за 400 юаней китаец, приехавший за ним специально из Ханчжоу. Ну, и мы не удержались.

Инфраструктура. Про китайские дороги, мосты и поезда мы уже знали из прошлых поездок. Но и в этой поездке после того, как мы проехали на ночном поезде Пекин-Цзюцзян и дневном Цзюцзян-Чэнду, моя жена сказала: я злюсь! Ну, почему у китайцев такие поезда и дороги, одни туннели через горы чего стоят, а у нас — сплошная равнина же, какого чёрта наши не могут до сих пор построить скоростные дороги? Мы едем из Москвы в Казань меньше тысячи километров столько же времени, сколько из Цзюцзяня в Чэнду больше трех тысяч километров.

Китайцы помешаны на зажигалках: их отбирают в аэропортах, на вокзалах, в музеях. Даже из чемоданов, сдаваемых в багаж! Как они их там обнаруживают? Совсем с ума сошли. Десять лет назад это уже было, но не в таком масштабе. Помню зажигалки, прикованные к стене цепью, в курилке аэропорта; сейчас там зажигалки электронные, встроенные в стену. При входе на Великую стену зажигалки бросаются в коробку, а при выходе выбираешь любую понравившуюся, потому что твоя зажигалка уже раньше кому-то понравилась. При выходе из Гугуна попытался в таком же ящичке выбрать зажигалку, но они все оказались сломанными, а какой-то мужик под навесом всем давал прикурить, но зажигалки не давал. Спасибо, вскоре другой китаец дал мне прикурить, да и подарил зажигалку. Зато на выставке живописи в Пекине на выходе девушка вернула мне именно мою зажигалку, как она запомнила? Ну, это некурящим не понять 😊

Китайцы помешаны на гаджетах и селфи. Поднимаемся на пастбище Ганьхайцзы, высота за 3000 метров, идёт дождь, совсем не тепло (особенно, после жары за 30 градусов в Пекине и Тяньцзине). А по всему периметру пастбища вдоль дорожки для посетителей вереница женихов и невест, с которыми делают фотосессии перед свадьбой. Положено на свадьбе вывешивать огромные фотографии. Записываются заранее. Все в европейских свадебных нарядах. Но китайки с голыми плечами стойко переносят холод и дождь, убирая с лица страдания во время съёмки. Потом, в старом городе Шухэ

в Лицзяне та же история, но только тут все в национальных костюмах, самых разных, потому что в Юньнани 11 национальных меньшинств.

На «Крутобровой Горе» (Эмэйшань) вокруг золотого Будды (на позолоту потратили 6 млрд. юаней, если нам не соврали) круг из каменных слонов, где-то метр высотой каждый. Под одним из них сидит маленький китайчонок примерно 3 лет, уткнувшись в экран смартфона и не обращая внимания на туристов, которым объяснили, что нужно три раза пройти вокруг Будды, и тогда будет счастье.

В этой поездке было чересчур много буддийских храмов и монастырей. Устаёшь от них. Потом, конечно, буду вспоминать уже без раздражения. Уже вспоминаю длиннющий ряд больших медных барабанов в одном из юньнаньских монастырей, идёшь вдоль него, крутишь барабаны и, правда, успокаиваешься. Бесчисленные (т.е. числом 500) архаты тоже производят впечатление, но таких я уже раньше видел. Я везде подсчитываю числа: число слонов, число барабанов, число граней узора, число столбов, число ступней, и т.д. Кругом сплошная китайская нумерология! Вспоминаю, что в прошлом году писал работу об узлах («Колыбель для шумерской кошки»), и вижу многочисленные китайские узлы. В одном из последних ламаистских храмах один из наших, молодой художник «сломался» и взмолился, обращаясь почему-то к Кадрие (наверное, как старшей): — Ну, можно мне ещё полчаса, мне нужно всё досмотреть, я больше никогда здесь не буду! Конечно, мы согласились, а сами бродили около автобуса и смотрели, как монах тащит корзину рыбы и часть рыб выпускает в круглый бассейн, видимо, совершая ритуал освобождения на волю живых существ.

Ещё в прошлых поездках нам понравились китайские отели, и мы всем говорили: — Европа отдыхает! В этот раз у нас не было ни одного пятизвёздочного отеля, но и трёхзвёздочные нам наши пекинские друзья не советовали брать, по крайней мере, в Пекине. И мы заметили, что чем дальше в китайскую глубинку, тем шикарнее номера в отелях. В Лушани в номере мебель была из палисандрового дерева, с балкона открывался вид на озеро, а посреди комнаты стоял стол, вокруг которого мы сначала хотели собраться всемером, выпить и закусить. Но не тут-то было, пришлось воспользоваться низким столиком. А этот стол оказался для игры в маджонг! С электрическим приводом! Жаль, мы ночевали только одну ночь, и в маджонг не поиграли и даже к компьютеру не подошли на письменном столе с гигантским кожаным креслом. И ещё у Кадрии был один повод сказать: я злюсь! Когда оказалось, что в Китае полно туалетов вполне приличного вида, и все они бесплатные. И музеи тоже бесплатные, даже для нас, иностранцев. По поводу туалетов мы долго смеялись на высокогорном пастбище Ганьхайцзы. Там на стене висит табло, на котором лампочки отмечают свободные и занятые места в туалете, включая писсуары. Понимаю, конечно, что все эти прибабасы придуманы для

привлечения туристов. И чем дальше от столичных центров, тем больше и круче эти прибабасы. Но вот у нас сорвалась экскурсия в Ущелье прыгающего тигра в Юньнани, потому что из-за дождей там стало опасно, и ущелье закрыли для посещения. Поэтому мы поехали на излучину Янцзы, которая здесь называется Цзиньшацзян — река золотого песка, и в музей великого похода красной армии в деревушке каменного барабана. Кстати, музей приятно поразил отсутствием всякого пафоса, там было приятно и тихо. Туалет, естественно, тоже приличный и тоже бесплатный.

Я почему про туалеты так распространяюсь? Потому что вспомнил, как к нам в Институт системного программирования, в Москве, на ул. Александра Солженицына, что на Таганке, приезжал известный учёный грек, живущий и работающий в Западной Европе, Дионисиос Цикритзис. Наш директор В.П. Иванников, именем которого сейчас, после его смерти, назван институт, дружил с Цикритзисом. Я тоже с ним был знаком, подарил ему какую-то из своих акварелей, а у меня дома хранится и иногда используется чайная кружка от Цикритзиса (шестигранная и кажется, с каким-то китайским рисунком). Так вот Цикритзис, посетив наш туалет (это было ещё до ремонта в институте, а здание начала XIX в.), заявил директору: — Первым делом, Вам нужно отремонтировать туалет, потому что туалет — это лицо института! Ну, или что-то вроде этого при вольном переводе с английского.

Но деревня каменного барабана поразила не туалетом, и даже не музеем, а обычным фруктовым рыночком на улице. Наша Наташа (Мин Хайчжэнь) решила купить у торговки какие-то фрукты в дорогу. Что для этого надо? Наличные? Устройство для приёма банковских карт (не знаю, как он называется)? А ничего не надо, кроме мобильного телефона. Среди фруктов торчала табличка с QR-кодом. Я-то думал, что он предназначен для получения всякого рода информации и WEB-адресов этой информации. Наташа подносит телефон к табличке, чего-то быстро набирает и — всё, покупка оплачена! Это такой способ взаиморасчётов между китайскими людьми, минуя банки и прочее. Банки нужны только для того, чтобы на свой счёт, привязанный к QR-коду, положить деньги, или, наоборот, снять деньги. Правительство, — говорит Наташа, — ещё не придумало, как снимать с этих расчётов какие-то проценты в пользу государства.

Но, честно говоря, меня больше тронули два совсем не помпезных места: одно совсем тихое, другое сравнительно тихое. Это могила Тао Юань-мина в Лушани и хижина Ду Фу в Чэнду с музейно-парковыми комплексами вокруг. У Тао Юань-мина мы были практически одни, это место совсем не туристическое, как нам объяснили. Тем лучше. Наш гид, Мин Хайчжэнь (для русских у неё есть и русское имя Наташа) прочитала стихотворение Тао Цяня по-китайски, а я — по-русски, в переводе Эйдлина. А кругом без умолку кричали цикады. А

после Ду Фу я написал такой стишок, который Гу Юй уже перевёл на китайский:

Душа Ду Фу
живет в Чэнду.
Для нее построили дом,
все, что нужно, имеется в нем:
кабинет, чтоб стихи писать,
и кровать, чтобы ночью спать.
А в саду проложили дорожки,
чтоб душа погуляла немножко.
И в беседке у края озера
принимала красивые позы.
И на стенах читала стихи Ду Фу,
которые он написал в Чэнду.
Только жалко, что все это сам Ду Фу
не имел, когда жил в Чэнду.
И не может душа перейти черту,
за оградой не видит другой Чэнду.
Миллионы комнат в городе том,
до горизонта — за домом дом.
Домам не страшны дожди и ветра,
Высоки и прочны дома, как гора.
Об этом наверно мечтал Ду Фу,
когда сочинял стихи в Чэнду,
сквозь дырявую крышу любуясь
ночной луной.

杜甫的精神
活在成都。
后人为此修建了房屋，
需要的一切应有尽有：
书房用来写诗，
夜晚睡眠有床铺。
院子里修筑了小路，
让心灵休憩散步。
湖边建一座凉亭，
看式样赏心悦目。
墙上有杜甫的诗句，
这些诗写于城都。
可惜这些都不属于杜甫，
当诗人居住在成都。
有条线灵魂难以超越，
围墙外看不见另一个成都。
那座城市里房屋上百万，
直到地平线，房屋连着房屋。
房屋不怕风也不怕雨，
山一样的房屋高大又坚固。
那曾经是杜甫的幻想，
他写那首诗就在城都，
当时透过屋顶的窟窿
能看到月亮在云雾中飘浮。

Моя жена безбожно врёт, когда говорит другим: — Я не очень-то хотела ехать в Китай, это Игорь хотел. Но если в Лушань мы поехали из-за моего пристрастия к Тао Юань-мину, то на озеро Лугу мы поехали по настоянию Кадрии. Помимо того, что там красиво, там обитает народность *мосо* (摩梭), которую относят к группе *наси* (納西族). А у этой народности принят матриархат. Муж там приходит к жене в другую деревню только на ночь, а утром возвращается в свою деревню — работать. Дети остаются в семье жены, их воспитывают братья и дяди жены, а муж в это время воспитывает детей от женщин своей деревни. И до сих пор так, правда что ли? — такой вопрос Кадрия упорно задавала работникам музея *мосу*. И, удовлетворённая, получала ответ: «да». Главная комната в доме называется «бабушкина комната». Там очаг, алтарь и бабушкина кровать в нише за занавеской. С утра до вечера по озеру курсируют лодки, отвозя туристов на остров и обратно. На острове (кто бы сомневался) буддийский храм. Эти большие лодки-плоскодонки, видно, что тяжёлые, вмещают 15 человек. Никаких моторов, даже электрических как на катерах на высокогорном озере Баофэн в парке Улиньюань, где мы были 9 лет назад. Два

гребца и рулевой. Обычно гребцы мужчины, а рулевой — женщина. Но на некоторых лодках и женщины гребли. Забавны головные уборы: у мужчин ковбойские шляпы, а у женщин на голове намотан широкий и длинный, но не как у других женщин, не как чалма, а больше напоминает воронье или орлиное гнездо. Тем же вечером попадаем на шоу по случаю праздника огня. Тут, похоже, и огнепоклонники побывали. Кадрия вычитала, что религия наси — это вроде как религия бон. Не знаю, не проверял. Но Тибет тут рядом, а южный путь называют не шёлковым, а *мача* — путь лошади и чая: туда везли чай, а обратно — лошадей, ну, и, как я понимаю, молочное всё. Понравилась мне их письменность *дунба*, по которой названа и сама их культура. У нас гидом по Юньнани был молодой человек, китайское имя которого я не запомнил, а европейское он взял себе — Винсен (или Винсент, не знаю).

Кстати, на этот раз у нас русскоговорящий гид был только в Пекине, ну и наша Наташа (Мин Хайчжэнь), конечно. В Лушани гид с именем Кун Пи (потомок Конфуция в 72-м поколении) говорила только по-китайски, в Сычуани и в Юньнани гиды были англоговорящие. В прошлых поездках по-русски говорили в Сиани, в Чунцине, в Гуйлине, в Шанхае и, если мне не изменяет память, в Цюйфу. На Великой китайской стене в этот раз школьники демонстрировали нам своё знание английского, чтобы сфотографироваться с нами: сначала девочки, потом мальчики осмелели. Видя такое дело, и взрослые подтянулись. А в Храме Неба в Пекине проходила группа дошколят из международного детского сада, естественно, с английским языком.

Так вот, Винсен первым делом объявил нам, что он наполовину ханец (по отцу), а наполовину наси. В музее на стене — красивая надпись пиктографического письма, практически рисунков. Это запись мифа-сказки, которую Винсену в детстве рассказывала его бабушка. Если правильно помню, это вариант мифа о потопе и Ное. Только тут местный Ной, кажется, никаких пар чистых и нечистых не брал, а после потопа ему было велено выбрать в жёны девушку с горизонтальными зрачками. Но первой попалась девушка с вертикальными зрачками, которая и стала его женой. (Интересно, откуда девушки взялись, если все погибли? Но такие вопросы в мифах нельзя задавать.) Я уже плохо помню всю историю, может быть уже и напутал что-то.

Продолжу говорить о китайцах. И по прошлым поездкам мы помнили гвалт многочисленных толп китайских туристов (других-то не было или почти не было), помнили стройные колонны китайцев, сходявших с палубы корабля в Байдичэне или выходивших на улицу после шоу шаолиньских монахов и строившихся перед автобусом в Пекине (правда, в первом случае и, если правильно помню, во втором тоже это оказались тайваньцы, но всё равно ведь китайцы), глядя на которые один наш товарищ заявил: — Нет, этот народ не победить. И опять — толкучка и гвалт в самых красивейших местах Китая. На этот раз это было на горной тропе в Лушани. Крики, громкий разговор,

бесконечные фотосъёмки и селфи. Не протолкнуться. И оглушающе, особенно на следующий же день после тишины (если не считать цикад) у гробницы Тао Юань-мина. И что же это они так кричат? — спрашивал кто-то из нас. А Кадрия потом объясняет: — Ну, у них же тоновый язык. Как же тона шёпотом передать? Не знаю, правильно объясняет или нет.

Конечно, все были очарованы Гую Юем и Хао Эрци. По-моему, даже наши гиды, Наташа (Мин Хайчжэнь) и пекинский гид с русским именем Роза, несколько прибалдели от нашей встречи, когда мы, наверное, полчаса только и делали, что обменивались бесчисленными подарками. Гу Юй же не только что-то подарил Наташе, но и написал потом стихотворение «不一样的导游» — «Необыкновенный гид»:

明海珍	Мин Хайчжэнь —
不一样的导游。	Необычный гид.
伊戈尔和卡德丽雅	Игорь и Кадрия
三次来中国，	Третий раз в Китай приезжают,
都是她陪伴。	И она их сопровождает.
明海珍	Необычайный гид —
不是普通的导游，	Светлая Морская Жемчужина —
她是最可靠的朋友！	Самая надёжная в дружбе!

Не знаю, правильно ли я чувствую, но я чувствую в современных китайцах (хотя я знаком со слишком малым числом китайцев, чтобы делать такие обобщения, но об этом же и другие люди пишут) интересное сочетание древней традиции («китайские церемонии») и современной раскованности. Только второе — и у человека подчас сносит «крышу», выветривая мозг, а только первое — и зашоренный мозг чахнет, не проветриваясь. В обоих случаях комично и скучно.

В памяти мелькают случайная встреча на выставке живописи в Пекине в предпоследний день нашего пребывания в Китае — встреча с Хао Эрци и его очаровательной женой, старик в парке в горах Лушань, в книжном магазинчике быстро и ловко заполняющий длинные свитки каллиграфией по желанию и заказу публики (200 юаней за свиток), маленький мальчик под каменным слоником на горе Эмэй с гаджетом в руках, хозяин заведения в Лигу, где нам готовили в «самоваре» рыбу с мясом, пожелавший сделать селфи со мной, видимо, в целях рекламы своего заведения, моложёны-приколисты в Шухэ — она с ковбойским кольцом в руке, он с сигарой, молодой гребец на лодке на озере Лигу — в ковбойской шляпе и с сигаретой в зубах, усердно гребущий, и его товарищ постарше в бандане, загорелые дочерна, старик Ци Байши, глядящий на нас с больших фотографий на большой тематической выставке его работ в Пекине...

А Кадрия не перестаёт рассказывать друзьям о том, как тепло нас принимала наша Наташа (Мин Хайчжэнь) вечером того же дня, когда встречались с Гу Юем и Хао Эрци. Ещё утром Наташу подвозил до нашего отеля её муж (вот забыл его имя), которого мы помнили по второй нашей поездке в Китай, когда он, их сын и Наташины папа с мамой приехали на Хайнань, когда мы там отдыхали ближе к концу путешествия. Он нас тоже, оказывается, помнил. Они привезли мне большую стопку китайской бумаги. Её потом пришлось сдавать в багаж, когда возвращались в Москву, потому что не помещалась в чемодан, но, слава богу, всё обошлось. А вечером, дома у Наташи нас ждали её муж, сын, отец (мама была в отъезде у себя на родине в Муданцзяни) и пятилетняя дочка Лиза. Мы пили чай, а Лиза пела нам песни, дарила свои рисунки, а потом — каждому по цветку, долго и вдумчиво выбирая для каждого свой цветок только по одному её ведомому критерию. Ужинали все вместе в ресторане. Китайцы обожают ходить по ресторанам и принимать там гостей, это мы ещё по прошлым поездкам поняли. Наташа объясняла: — Дома я могу приготовить два-три блюда, но ведь надо не меньше восьми, чтобы угостить друзей всем, чем хочется. За этим ужином китайская водка оказалась необыкновенно хороша, в прошлых поездках мы как-то пробовали, но нам не понравилось — парфюмерия. Когда мы после путешествия вернулись в Пекин, я спросил Наташу: — Где можно купить такую водку? На утро она принесла нам две бутылки: одну нам с Кадриёй, а другую — тем четверым друзьям в Москве, которые приезжали в Китай с нами 11 и 9 лет назад, а в этот раз не смогли. Кстати, Наташа живёт на окраине Пекина, но это совершенно элитный район: за забором с проходом по электронному ключу, ручейками и прудиками, цветами и деревьями во дворе, короче говоря, с имитацией китайского сада. А по поводу хутунов Наташа сказал: теперь те хутуны, что рядом с Гугном, — это элитный район и дома там стоят очень дорого. Мы видели эти хутуны. Вообще, я уже давно заметил: то, что раньше считалось плебейским, даже нищим, но имело своё очарование, становится в будущем самым престижным и дорогим. Будь то хутуны в Пекине, Яффа в Тель-Авиве или хаш в Армении.

Кадрия говорит: — Ну, вот кто мы Наташе, казалось бы? А оказывается, мы подружились, и нас принимали как старых добрых друзей. Нас с Кадриёй и заодно всю нашу группу.

А жизнь в Китае дорожает, это мы поняли, сравнивая с прошлыми поездками. И юань вырос с 6 до почти 10 рублей. Наташа говорит, что теперь разрешили в городе (в деревне и раньше можно было) иметь двух детей, а молодёжь теперь сама не хочет, потому что очень дорого. Дорогие детские сады. Школа бесплатно, а детсады и вузы платные. Китай сейчас переориентируется с внешнего рынка на внутренний, а это как раз и ведёт к подорожанию. Ведь цены должны выравниваться с теми странами, куда Китай поставлял свои товары на экспорт, а поставлял он по всему миру. Короче говоря, благосостояние китайского народа растёт, что для нас, россиян, означает, что

поездки в Китай становятся всё дороже и дороже, потому что у нас как-то благосостояние не очень-то растёт. Я ещё помню: в начале двухтысячных можно было прочитать, как пропутешествовать по Китаю за 200\$, конечно, останавливаясь не в пятизвёздочных отелях, обедая не в дорогих ресторанах и путешествуя не на самолётах, но всё же. Сейчас, разумеется, всё иначе. Да и как без самолётов при таких расстояниях. У нас было два внутренних перелёта, а они дорогие.

В этот раз гораздо меньше мы видели портретов и бюстов Мао Цзе-дуна в магазинах, на развалах. В этот раз мне не удалось купить цитатник Мао Цзе-дуна на русском, свой я подарил Владимиру Микушевичу (Артём Кобзев его знает как переводчика, он упоминал его в своих статьях). Вообще, спокойное и уравновешенное отношение китайцев к своему прошлому достойно подражания. Как там товарищ Си сказал? На 70% Мао Цзе-дун был прав, на 30% — не прав. Вот хоть стой, хоть падай: при такой чисто китайской формулировке исчезает почва для конфронтации. В книге «Российское китаеведение. Устная история» С.А. Торопцев в своём интервью вспоминает Елизавету Павловну Кишкину (китайское имя Ли Ша), вдову Ли Ли-сяня, как в 1988 г. вместе с их дочерью Аллой и её мужем Валерием они проезжали мимо тюрьмы, где при Мао Цзе-дуне Ли Ша с дочерьми сидела в камере. И пишет: «я довольно прямолинейно спросил: «Вы ненавидите Мао Цзе-дуна?» — и услышал примечательный и мудрый ответ: «Нет. Не он, так другой нашёлся бы. К этому вела история».

Я пишу этот текст 7 января 2019 года. Казалось бы, совсем недавно в этот день отмечали годовщину октябрьской революции 1917-го года. Сегодня день прошёл незамеченным. От бесконечных речей — к бесконечной тишине. А в обществе не утихают споры: праздновать или проклинать? И никто даже не пытается «подсчитать проценты». Должно быть 100% и всё тут: либо 100% «за», либо 100% «против», а третье — от лукавого. И история у нас должна вести туда, куда положено, а если нет, её надо переписать.

Но это начинаешь понимать ближе к старости (хотя не все со мной согласятся). Как писал Бо Цзюй-и (по Эйдлину),

Когда в Цзянчжоу по ночам
я слышал тихий чжэн,
Седеть я только начинал —
и слушать не хотел.
А вот сегодня час пришел —
я бел, как белый снег.
Играй на чжэне до зари —
я разрешу тебе.

А я уже в Москве написал по этому поводу, ну, может быть, не совсем по этому, но близко, вот такие строки, как и положено, в полном противоречии с упомянутым выше раздражением бесконечными буддийскими заморочками.

У меня болела нога.
Я сидел и ёрзал,
пытаясь принять удобную позу.
Выпрямил спину,
положил ладони на колени.
Задумался, перестал думать.
И боль тихонько ушла.
И тут я понял,
что сижу точно так, как
Большой Будда в Лэшане,
который сидит уже тысячу лет,
выпрямив спину
и положив ладони на колени.
Наверное, ему тоже
больно.

我一条腿疼。
坐着，左右摇晃，
力图保持姿态稳定。
脊背挺直，
两只手掌抚摸膝盖。
控制心绪，开始入静，
疼痛竟然逐渐减轻。
此刻豁然领悟
如果坐姿
像乐山大佛，
佛已经坐了千年，
挺直脊背
双手抚摸膝盖，
大概，佛
因悲悯而心痛。

7 января 2019 года